

**ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

УДК 94(47).084.8+093_044

DOI 10.26456/vthistory/2024.4.141–158

Выдержки из писем немецких солдат (конец 1941 – первая половина 1942 г.) (по материалам фонда Калининского обкома ВКП(б))

К.М. Свирин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассмотрен комплекс писем немецких солдат, сохранившихся в фонде Калининского обкома ВКП(б). Письма за период ноября 1941 – мая 1942 г. с территории Смоленской и Калининской областей в Германию и обратно, сохранились в виде выдержек в переводе на русский язык и предназначались как материал для пропаганды и агитации с целью сформировать среди советских граждан образ морально сломленного врага. В статье письма рассмотрены не только как комплекс агитационных материалов, но и как важный источник информации о разнообразных аспектах восприятия военной действительности на Восточном фронте солдатами вермахта и их корреспондентами по переписке в Германии. Несмотря на фрагментарность, лакуны в переводах, пропагандистскую цель переводов, можно утверждать, что демонический образ России как «настоящего ада», представленный в письмах, соответствовал реальному её восприятию немецкими солдатами и отражал состояние отчаяния и безысходности зимой 1941–1942 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Смоленская область, Калининская область, письма немецких солдат, отчаяние, преступления против мирного населения, пропаганда и агитация, Калининский обком ВКП(б).

Письма являются одним из важных элементов межличностной коммуникации. В условиях военного времени они часто оказывались единственной нитью, связывающей солдат с домом, и приобретали особую значимость в предчувствии трагического финала жизни. Письма солдат вермахта, отправленные домой, и письма, полученные ими из Германии, не являются в этом смысле исключением. Они отражают военную действительность во всех ее проявлениях. Отправленные в Германию, но перехваченные письма, содержали, даже с учётом естественного желания авторов не расстраивать родных и близких, наиболее реальную оценку восприятия ими той действительности, в которой они оказались на Восточном фронте.

Комплекс доступных для изучения писем сохранился в фонде Калининского обкома ВКП(б). Дело с выдержками из писем входит в перечень дел отдела агитации и пропаганды обкома, что позволяет определить первоначальную цель их использования¹.

В условиях военного времени для победы над врагом, безусловно, требовалась морально-психологическая консолидация населения и формирование идеи о неизбежности полной и безоговорочной победы. Эту цель можно было достигнуть через трансляцию жестоких бесчеловечных действий врага в отношении мирных граждан и военнопленных, чтобы сформировать справедливую ненависть к врагу и желание его сокрушить. С другой стороны, нужно было продемонстрировать образ сломленного врага, который под натиском ударов Красной Армии, самоотверженной партизанской борьбы и с учетом непривычных для него природно-погодных и бытовых условий уже осознал бесперспективность своих действий и готов вскоре капитулировать. Такой образ можно было представить на основе изъятых немецких писем.

Исследователи, конечно, уже обращали внимание на то, что в годы войны письма военнослужащих вермахта попадали в поле зрения соответствующих советских органов как важнейший источник по состоянию немецких войск, настроениям, мыслям и суждениям солдат и офицеров². В зоне ответственности советской армейской разведки оказывались письма, которые часто собирались на поле боя с уже погибших солдат. Первоначально, письма обрабатывались в разведотделах частей и соединений советских фронтов, где из них извлекалась информация оперативного характера, а затем часть писем поступала в Главное Политическое Управление РККА (7-е Управление), где делалась окончательная выборка материала, относящегося к состоянию немецких войск. Некоторые письма германских солдат и офицеров, как и выдержки из протоколов их допросов в плену, включались в специальные Информационные бюллетени Главпура, предназначенные для служебного пользования³. Особый интерес представляли и письма от родственников немецких военнослужащих на фронт, читая которые на передовой, «германские солдаты не только узнавали о положении своих семей, но и получали хороший повод, чтобы задуматься о будущем Германии, о своем месте и роли на этой войне»⁴.

Информация о том, что немецкие письма активно использовались в пропагандистской и агитационной работе среди советского населения, содержится в документах фонда Калининского обкома ВКП(б). Так в деле с директивными указаниями содержится пропагандистский материал «Новый период Отечественной войны – период освобождения советской земли от

¹ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 574.

² Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942 / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории; отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1999. С. 181.

³ Там же.

⁴ Там же.

гитлеровской нечисти», вероятно, датируемый периодом весны 1942 г., в котором даётся прямое упоминание немецких писем. «... Под ударами Красной Армии гитлеровская армия понесла огромные людские потери. Это вызвало большие изменения в её составе, в её настроениях и взглядах. В армию пришли так называемые резервисты – люди старших возрастов, обремененные семьями, принимавшими в своё время участие в различного рода антифашистских организациях. Это уже не молодёжь, развращённая в гитлеровских молодежных «зверинцах» и опьянённая кровью лёгких побед в Западной Европе. Моральный дух германской армии надломлен. Об этом говорят письма немецких солдат и офицеров, учащающиеся случаи сдачи немцев в плен...»⁵. И далее: «... зимнее наступление Красной Армии окончательно уничтожило миф о непобедимости немецкой армии; оно показало, что т. н. храбрость гитлеровского офицера характеризуется поговоркой: “Молодец против овец, а против молодца – сам овца”...»⁶. Нет причин не доверять этому казалось бы чисто пропагандистскому клише, которое имело под собой реальные основания с учетом информации, содержащейся в немецких письмах.

В сохранившейся стенограмме заседания собрания партийного актива Калининской области от 27 июня 1942 г., на котором выступал с докладом начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александров, содержится ещё более подробная информация о целенаправленной работе с немецкими письмами⁷. В докладе Александров упоминает, что в течение нескольких недель было просмотрено около 35 тысяч писем, найденных у убитых немецких солдат⁸. Изъятые письма были разделены на группы с целью классификации настроений в среде немецких солдат. Докладчик обращал внимание на то, что открытых антифашистских настроений выявлено еще мало, но недовольств развернувшейся войной отмечено очень большое количество, так же как и колебаний относительно того, кто выйдет победителем в войне и выраженного безразличия по этому вопросу⁹.

Следует отметить, что в сохранившихся переводах писем не прослеживаются колебания немецких солдат по поводу победы в войне. Вопрос о возможном победителе вообще не затрагивается в письмах, и выйти на него можно только через отдельные косвенные фразы о том, что достичь победы будет сложно. Либо эта проблема специально не затрагивалась солдатами вермахта, понимавшими, что письма будут проходить немецкую цензуру, либо по каким-то причинам эта информация была исключена переводчиками. Во всяком случае, на основе сохранившегося комплекса писем, нет

⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 448. Л. 45.

⁶ Там же Л. 44.

⁷ Там же. Д. 446. Л. 65–102.

⁸ Там же. Л. 76.

⁹ Там же. Л. 77.

оснований абсолютно доверять утверждению Александрова о том, что безразличие по вопросу о победителе в войне «встречается сплошь и рядом в письмах солдат»¹⁰.

Вероятно, этот вывод докладчика был получен не из писем, а на основе изучения заполненных немецкими военнопленными анкет. Из доклада следует, что среди 386 немецких военных, содержащихся в одном из лагерей для военнопленных, было проведено анкетирование. В основном проводилось анкетирование среди солдат, а также нескольких ефрейторов, лейтенантов и офицеров. В анкетах были поставлены вопросы: кто виновник войны между Германией и СССР; верите ли вы в победу Германии; кто должен править в Германии после войны?¹¹ Очевидно, что ответы, полученные в условиях плена, вряд или могли отражать реальное отношение опрашиваемых к поставленным вопросам, даже с учётом анонимного опроса. На первый вопрос были получены ответы: «не знаю» (109 чел.), «Англия» (103 чел.), «капитализм» (84 чел.), Гитлер (72 чел.), «евреи» (12 чел.), «Коминтерн и СССР» (6 чел.); на второй вопрос: «да» (140 чел.), «не знаю» (127 чел.), «нет» (119 чел.); на третий вопрос: «безразлично» (177 чел.), «народ» (149 чел.), «Гитлер» (90 чел.).

Тем не менее, докладчик, упоминая о безразличном отношении немецких солдат к тому, кто победит, приходит к выводу, что «... произошло значительное изменение в немецкой армии, но ещё недостаточно, чтобы сказать, что гитлеровская армия разложилась окончательно, но мы можем заявить, что процесс разложения пойдёт дальше»¹².

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис органов пропаганды и агитации, следует подробно обратиться к комплексу писем.

В архивном деле фонда обкома сохранились переводы на русский язык 173 писем. Все они, за единичными исключениями, представлены в виде выдержек. 89 писем – с фронта в Германию, 80 писем – из Германии на фронт, 4 письма – с фронта на фронт. Перевод осуществлен тремя военными переводчиками: младшим лейтенантом Мочаловым, техником-интендантом 2 ранга Модылевской и техником-интендантом 2 ранга Семеновым. Часть документов представлена подлинниками с собственноручными подписями переводчиков¹³. Другая часть – копиями, то есть документами без подписей, но с указанием должности, фамилии, даты перевода и количества созданных копий, например, «отп. 3 экз. 5.4.42, военпереводчик – т/интендант 2 ранга Модылевская»¹⁴.

Один «миникомплекс» переводов представлен на одном-трех листах и содержит фрагменты от одного до тринадцати писем, в конце которого следуют дата и реквизит подписи. Документы оформлены в машинописном виде, за исключением единичных рукописных документов.

¹⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 446. Л. 77.

¹¹ Там же. Л. 74–75об.

¹² Там же. Л. 77.

¹³ Там же. Д. 574. Л. 12, 41, 42 и др.

¹⁴ Там же. Л. 2.

Письма датированы периодом с 13.11.1941 г. по 14.05.1942 г.

Выделяется ранний комплекс писем, датированных с 13.11.1941 г. по 29.03.1942 г. (в том числе письма из Германии, отправленные в период с 13.11.1942 по 18.03.1942 г., и письма с фронта, отправленные в период с 12.01.1942 по 29.03.1942 г.). При этом основная часть писем на фронт датируется январем 1942 г., а основная часть писем с фронта – февралем – началом марта 1942 г., а именно периодом 26.02.1942 – 01.03.1942 г.

Переводы этих писем датированы периодом с 22.03.1942 по 20.04.1942 г.

Отдельный комплекс составляют копии переводов 40 писем, отправленных из Германии на фронт в период с 05.05.1942 по 14.05.1942 г. (38 писем) и 19.04.1942 г. (1 письмо), а также с фронта на фронт 27.04.1942 г. (1 письмо). Дата оформления этого комплекса переводов – 12.06.1942 г.; перевёл – Семенов¹⁵. Этот комплекс писем упоминается в вечернем сообщении Совинформбюро от 13 июня 1942 г., в котором сказано, что «... партизанский отряд, действующий в тылу немецких войск на Калининском фронте, захватил полевую почту противника номер 46319. Одно из захваченных писем было адресовано немецкому обер-ефрейтору Вильгельму Крессе и написано 11 мая 1942 года его женой, проживающей в Тюбингене, Герман-Герингштрассе, 52. Ниже публикуются выдержки из письма...»¹⁶. Рукописная запись этого сообщения Совинформбюро имеется и в архивном деле, где предваряет листы с переводами¹⁷. Следует, однако, отметить, что выдержки из текста письма Вильгельму Крессе в сообщении Совинформбюро и выдержки, представленные в архивном деле, отличаются. Относительно сходными являются всего два предложения: «... было бы очень хорошо, если бы эта ужасная война, наконец, пришла бы к концу. Но кто знает, как долго она продлится?...»¹⁸. Далее в сообщении Информбюро упоминается о ранении и гибели знакомых семьи и налетах английской авиации, а в архивном документе – об авианалетах и обычных делах членов семьи. Складывается ощущение, что опубликованный Совинформбюро текст был составлен из текстов двух разных писем, от жены обер-ефрейтора и членов его семьи, однако в архивном деле отложился только перевод письма от членов семьи.

Вильгельм Крессе оказался одним из четырёх военнослужащих, на имя которых в полевой почте 46319 были доставлены не одно, а два и даже три письма, иногда и от разных отправителей. Так ефрейтору Альберту Дреру были направлены письма от матери от 09.05.1942, невесты («барышни») от 07.05.1942 и, возможно, сестры от 10.05.1942; обер-ефрейтору Людвигу Зольгеру – три письма от жены от 08.05.1942, 10.05.1942 и 11.05.1942, а солдату Эрвину Ангорну – два письма от жены от 05.05.1942 и 10.05.1942¹⁹. Хотя, очевидно, что все эти письма до солдат не дошли.

¹⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 17–29.

¹⁶ Сообщения Советского Информбюро. Т. 2 (январь – июнь 1942 года). М., 1944. С. 344.

¹⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 16.

¹⁸ Сообщения Советского Информбюро. С. 344; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 24.

¹⁹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 31об., 26, 25, 18, 22, 29.

Отдельно необходимо отметить рукописные карандашные переводы еще пяти отправленных из Германии писем в период с 04.05.1942 по 10.05.1942 г., которые, по-видимому, также входили в комплекс полевой почты 46319, но ещё не были официально оформлены переводчиками²⁰. Их наличие показывает работу переводчика, который сначала переводил письма в рукописном виде, а затем компоновал выдержки из писем и оформлял их в машинописном виде. Не исключено, что работу по компоновке переводов писем и машинописный набор осуществлял кто-то другой. В то же время это кажется маловероятным, поскольку очевидно требовалась точность воспроизведения машинописного текста с рукописного подлинника, которую мог гарантировать только сам переводчик.

Какая-либо тематическая, хронологическая или адресная подборка переводов в одном «миникомплексе» не выявлена. Так в нём могли встречаться одновременно фрагменты писем, как из Германии, так и в Германию, за разные даты, разной тематики. Понятие «темы» письма в данном случае относительно, поскольку и немецкие солдаты, и их корреспонденты в Германии писали о том, что их волновало в конкретный момент времени, и такие вопросы были очень многообразны, что делало невозможным их тематическую подборку переводчиками. Не исключено, что в дальнейшем работу по тематической классификации писем осуществляли другие сотрудники органов пропаганды и агитации, о чем упоминал в своём докладе Александров, но уже с очевидно пропагандистскими целями.

Статус военнослужащих вермахта, которые отправляли или получали письма, устанавливается по данным, которые воспроизводились переводчиками с конвертов. Среди упоминаемых авторов и адресатов писем встречаются ефрейторы (58), солдаты (31), обер-ефрейторы (24), унтер-офицеры (17), фельдфебели (6), старшие ефрейторы (3). В части переводов писем статус военнослужащего не указан. Основными адресатами писем в Германии и соответственно авторами писем на фронт были в подавляющем большинстве члены семей военнослужащих, чаще всего, жёны (не менее 40 писем), а также жёны и дети вместе, родители (мать, отец), сестра, брат, невеста («барышня»), друг, в единичных случаях – сын, дочь. В некоторых письмах, отправленных с фронта, адресат не указан, что свидетельствует либо о субъективном подходе переводчика к оформлению переводов, либо о том, что отдельные письма действительно не были окончены и найдены у убитых солдат²¹. Таким образом, обобщенный социальный статус военнослужащего по письмам – это молодой или средних лет женатый ефрейтор (обер-ефрейтор, солдат; значительно реже унтер-офицер), нередко с детьми и живыми родителями; либо жених.

Местом отправления писем с фронта чаще всего указан «Восточный фронт», а также «Россия», «Восток». Понять, на какой конкретно территории «Восточного фронта» воевали авторы писем и как они там оказались,

²⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 31–32.

²¹ Там же. Л. 54.

позволяют отдельные прямые или косвенные упоминания в переводах: «... я нахожусь севернее Москвы, где русские прорвали нашу оборону...»; «... в настоящее время я нахожусь в Клемяине у г. Белый, где мы ведем тяжелые оборонительные бои против русских...»; «... выгрузились в Смоленске, а оттуда мы шли в направлении на север...»; «... мы находимся примерно в 300 км северо-западнее Москвы у г. Белый...»; «... 11 января мы выехали из Франции и через 11 дней мы прибыли в Смоленск...»; «... с армейской ротой пропаганды мы ехали от Восточной Пруссии до Смоленска...»; «... я переброшен из Финляндии на средний участок восточного фронта...»; «... мы уже 1,5 месяца, как из Франции... Мы находимся примерно в 300 км от Москвы...»; «... я хочу тебе указать точно, где дерется твой фронтовик... на карте России ты найдешь город Белый...»²². В качестве места отправления одного из писем прямо указан город «Белый, 8 марта 1942 г.»²³.

Таким образом, основная территория, с которой отправлялись письма, – это северная часть Смоленской области (район гор. Белый) и южная часть Калининской области. В период зимы – весны 1941–1942 гг. эта территория находилась в зоне боевых действий Калининского и Западного фронтов в ходе Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции 08.01.1942 – 20.04.1942 г., которая проводилась с целью разгромить главные силы германской группы армий «Центр». Перебрасывались на эту территорию солдаты вермахта в основном из Франции (в двух случаях упоминаются Восточная Пруссия и Финляндия), через Смоленск, который являлся перевалочным пунктом и финальным железнодорожным узлом, после которого части двигались на север «своим ходом».

Помимо писем в составе документов дела также имеются другие переведённые с немецкого языка документы; в основном в виде рукописных карандашных записей.

Один документ от 29.01.42 г. из «группировки Рауха» содержит предписание к правилам передвижения мирного населения и информацию о привлечении его к выполнению различных работ для немецкой армии (чистка дорог, доставка сена), а также требование к немецким солдатам «... всех местных жителей, которые без сопровождения немецких солдат бродят вне деревни, расстреливать на месте...»²⁴.

Другой документ представляет собой записку, найденную в немецких документах из гор. Калинина, об изъятии немецкими солдатами у двух мирных граждан города вещей и еды (матрац, одеяла, железные ложки, женские часы, картины, женское белье, дамские туфли, сахар, 5 кг муки, картофель). Документ без даты; переведён инструктором полиотдела Клейманом²⁵.

Третий документ от 05.12.1941 г., от имени командующего немецкой 123 пехотной дивизией, расквартированной в Заборовье (вероятно, деревня Заборовье под Калининым), содержащий предписание ввиду нехватки для

²² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 9, 52, 58, 60, 62–64, 77.

²³ Там же. Л. 47.

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ Там же. Л. 33.

часовых, охранников и шоферов войлочной обуви и меховых сапог изготавливать с привлечением местного населения соломенную обувь по предложенному эскизу²⁶.

Кроме того, в деле содержатся небольшие выдержки из двух дневников: немецкого фельдфебеля 11 роты 354 полка Э. Шнайхазена о пребывании его подразделения в Калинин и отступлении из города с записями периода 04.11.1941–19.12.1941 г.²⁷; а также машинописные выдержки из дневника командира команды телефонистов Гейнца Бакгауза, который велся с начала войны до января 1942 г., в основном о действиях команды в районе Старой Руссы²⁸.

Наконец, в деле имеется рукописный карандашный перевод, выполненный переводчиком Модылевской, «шуточного письма» без реквизитов («Рождество отменяется по следующим причинам: Иосиф мобилизован в армию; Мария отбывает трудовую повинность; Христос эвакуирован из-за воздушных тревог; 3 волхва с востока не получили пропуск; Вифлеемская звезда не может быть зажжена из-за затемнения; Сено и солома реквизированы для армии; Ясли у национал-социалистов; В конюшне стоит зенитка; Из-за осла не стоит праздновать рождество. С приветом, Рождественский дед»)²⁹.

Возможно, отложившийся в составе архивного дела комплекс переводов отражает масштабную работу по анализу немецких писем (и не только писем), упоминаемую в докладе Александрова, поскольку работа по переводу, судя по всему, как раз и проходила в марте-июне 1942 г., накануне доклада.

Часть переводов писем содержит отметки (в основном подчёркивания), которые отражают работу с ними ответственных сотрудников, к сожалению, неидентифицируемых. На одном из писем карандашом написана резолюция «для корреспондентов»³⁰. Выделенные фрагменты писем включают высказывания, наиболее очевидно отражающие негативное восприятие действительности немецкими солдатами на фронте и их родными и близкими в Германии. Отмечена информация о массовых похоронах и огромных потерях среди солдат вермахта, тяжёлых и непривычных для немецких солдат природных условиях (холод, обморожения), отправленных в Германию вещах (видимо, украденных), восхищении и удивлении мощью и силой русской армии и партизан, плохом состоянии дел в Германии (нехватке рабочих рук, плохом урожае), пессимизме, охватившем родных и близких в Германии («... Россия не пала сегодня, не падет и завтра, и вы должны там окончить свою жизнь. Совсем здоровым не вернется оттуда ни один...»³¹). Все выделенные высказывания как нельзя лучше подходили для пропагандистской работы.

²⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 33–33 об.

²⁷ Там же. Л. 34–35.

²⁸ Там же. Л. 49–50.

²⁹ Там же. Л. 30 об.

³⁰ Там же. Л. 67.

³¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 38.

Возвращаясь к анализу писем, отметим, что обращения к членам семьи в переписке предельно ласковые: «милая (имя)», «милый (имя)», «любимая (имя)», «любимый (имя)», «моя самая любимая (имя)», «дорогие», «дорогая», «моя драгоценность», «дорогое сокровище», «моя дорогая жена», «моя любимая жена», «дорогой друг», «дорогие господин и госпожа», «дорогие родители», «любимые родители, братья и сестры», «дорогая барышня (имя)», «дорогая жена и дитя», «любимый сын», «любимый супруг», «мои любимые (имя) и дети», «моя любимая супруга и дети», «ваш папа», «твой муж». Переписка насыщена предельно трогательными и заботливыми обращениями и выражениями к членам семьи в Германии и воюющим на фронте.

С другой стороны, по дальнейшему содержанию писем становится понятным, что в эту естественно добрую, семейную сопричастность и сопереживание друг другу вносится диссонанс нахождением солдата на фронте в ужасных условиях и непростым положением его семьи в Германии; очевидно желание как можно быстрее соединиться с «любимой семьей», которое разбивается о жестокую военную действительность и «проклятую Россию».

Следует отметить, что тематическое содержание писем, отправленных с фронта в Германию и из Германии на фронт, конечно, отличается, тем не менее, есть и общие «фронтовые» проблемы, которые тревожат солдат и их родных на родине.

Прежде всего, сам факт попадания в Россию, на Восточный фронт, уже рассматривается как угроза и осознание надвигающейся беды. Об этом свидетельствуют фразы в письмах из Германии: «... дорогой Артур, я был поражен, когда Луиза мне сказала, что ты теперь тоже в России. Но мы не можем ничего против этого сделать, мы должны выполнять свой долг там, куда нас поставил фюрер...», «... мы были прямо поражены, когда узнали, что ты тоже в России...», «... день и ночь я молю бога, чтобы ты не попал в буйную Россию...», «... я надеюсь, что ты находишься во Франции... я слышала, что много солдат отправляют из Франции на Восток...»³²; как и письма с фронта: «... я уже нахожусь в России. Я уже успел многое здесь пережить...», «... ты должна быть счастлива, что ты живешь в Германии. Тут тебе наверное не понравились бы... мы, немцы, чувствуем себя тут плохо...», «... тому, что переживаешь здесь в России, никто дома не поверит...»³³. Это априорное представление о России, как стране, куда лучше не попадать, очевидно устойчиво оформилось к зиме 1941–1942 гг. на основе именно писем с фронта. Очевидно, что в этих письмах на родных и близких в Германию обрушилась лавина боли и лишений, которые испытали немецкие солдаты на фронте.

Картина этих лишений складывалась из нескольких вещей. Первое, о чем пишут, солдаты вермахта, – это сильный мороз и глубокий снег («снег

³² Там же. Л. 19, 21, 37, 58.

³³ Там же. Л. 9, 44, 56.

глубиной в метр», «страшная снежная зима»)³⁴. В письме старшего ефрейтора Шлехтера жене от 01.03.1942 г. отмечается, что пусть те, кто «... в начале февраля в газетах сообщили, что зима в России кончилась... придут в Россию и простоят одну ночь на вахте, тогда он почувствует, во-первых, что они замерзли, и, во-вторых, что они не должны такую болтовню писать...»³⁵. В некоторых письмах эмоционально упоминаются 43, 45 и 48 градусов мороза, которые приводят к постоянным обморожениям рук и ног. Отсутствие серьёзных обморожений рассматривалось как большая удача. При этом по убеждению немцев, русские солдаты гораздо привычнее к снегу, часами лежат на снегу и не замерзают³⁶. Отметим, однако, что непростые погодные условия упоминаются иногда и в Германии, например, родители в одном из писем сыну сообщают, что нельзя доехать до сада, потому что «слишком глубокий снег, до 0,8 м»³⁷. Но, понятно, что снег в родной Германии воспринимается совсем по-другому, чем в далекой России.

Во многих письмах встречаются фразы, наполненные болью и отчаянием от осознания того, что возможно, придётся пережить ещё одну зиму в России и с надеждой, что этого не произойдёт, и этого никак нельзя допустить (письмо из Германии: «... надеюсь, что в этом году война с Россией окончится, ибо перенести еще одну русскую зиму было бы ужасно...»; письмо в Германию: «... вторую военную зиму в России не желает ни один из солдат, находящихся на фронте...»³⁸).

Отметим, что свои надежды на победу и успех в будущем наступлении солдаты вермахта как раз связывали с отступлением морозов и сходом снега, когда русские потеряют своё преимущество: «... Будем надеяться, что скоро снег стает, тогда с русскими будет покончено...» (письмо от 25.02.1942); «... я был бы очень рад, если бы поскорее растаял снег, русские тогда не смогут больше держаться...» (письмо от 26.02.1942); «... я верю, что когда снова станет тепло, мы их проучим, что они перестанут видеть и слышать...» (письмо от 28.02.1942)³⁹.

Другая проблема, которая оказалась невыносимой для солдат вермахта – это антисанитария – вши, клопы, грязное нижнее белье, отсутствие возможности умыться, побриться, почистить зубы, причесаться. Почти каждое письмо с фронта насыщено бытовыми подробностями: «Клопы и вши, а их здесь тьма, сводят нас с ума. Белье покрыто верхком грязи...»; «... сегодня я пишу тебе в особенно праздничном настроении. Впервые за 14 дней я смог побриться...»; «... действительность значительно хуже наших представлений... давным давно забыли мы об умывании, бритве... Дают себя чувствовать и насекомые»; «... Белье на мне без смены со времени отъезда из Франции и поменять его мне удастся не очень то уж скоро, то же и одежду... лицо

³⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 1, 5.

³⁵ Там же. Л. 14.

³⁶ Там же. Л. 7.

³⁷ Там же. Л. 42.

³⁸ Там же. Л. 28, 56.

³⁹ Там же. Л. 7, 65, 62.

и руки удается мыть лишь раз в 4–5 дней, почистить зубов нечего и мечтать... к чему и бриться, ведь все равно выглядишь, как бродяга, так что и это излишне...»⁴⁰.

Многие солдаты писали и о голоде, жалуются, что два дня не получали питание. Основной источник пропитания «русская картошка» и «конина», которые спасают от голода. Солдаты жалуются на большой желудок, понос, отсутствие достаточного количества хлеба, жиров в рационе: «... как я желаю вернуться домой, где имеется сытный обед...»; «... мне бы очень хотелось съесть кусочек печенья...»; «... когда я прочел слова шницель и колбаса, слюна набежала мне в рот»; «... если бы не русская картошка, мы бы умерли с голода. Мы целый день едим только картошку...»⁴¹. Иногда солдаты сокрушаются тем, что приходится целый день поститься без снабжения, тяжело с питьём и нельзя пить воду, но при этом три раза в день дают кофе⁴². Хотя в некоторых случаях, напротив, указывается, что снабжение нормализовалось, и продукты привозят на санях или сбрасывают парашютами с помощью авиации⁴³.

В конце концов, в сознании немецкого солдата соединяется всё вместе: «... холод, глубокий снег, вши, блохи и клопы, вот, что нам Россия преподносит. Человек может многое пережить, но не здесь...» (из письма ефрейтора Фритца Гессенкарена с Восточного фронта от 01.03.1942 родителям, братьям и сестрам)⁴⁴ или «... очень холодно, много снегу, но мало еды. Хлеба почти нет, скверная картошка, картофельный суп и все почти без жиров. Я должен сказать вам, что лучше умереть, чем здесь оставаться навсегда...» (из письма ефрейтора Альфонса Гааса родителям 28.02.1942)⁴⁵. В письме ефрейтор Гессенкарен ссылается на слова отца, который рассказывал детям правду о России, а они ему не верили, но теперь ефрейтор и сам убедился в этом. По контексту этого письма и отдельных фраз из других писем, становится понятным, что речь идёт о предшествующем негативном опыте пребывания в России немецких солдат в годы Первой мировой войны.

В связи с жалобами немецких солдат на скудный рацион нельзя не упомянуть состояние, в котором оказалось мирное население на оккупированной территории «трусами» самих же немецких солдат. И пока немецкие солдаты сокрушались «скверной» картошкой и картофельным супом без жиров, женщины и дети бродили по родной земле в поисках куска хлеба, находясь на грани выживания. В Молодотудском районе Калининской области две семьи, включая детей в возрасте 14, 9 и 6 лет, были расстреляны нацистами, а тела сожжены лишь за то, что пошли без разрешения из своей деревни Су-

⁴⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 12, 42, 43, 56.

⁴¹ Там же. Л. 10, 47, 48, 64.

⁴² Там же. Л. 60.

⁴³ Там же. Л. 64.

⁴⁴ Там же. Л. 58.

⁴⁵ Там же. Л. 59.

хуша в соседнюю деревню искать пропитания, потому что в их родной деревне население голодало, питалось мхом, мякиной, трупами павших лошадей и отбросами⁴⁶.

Настроения германских солдат, судя по письмам с фронта, стали меняться, уже начиная с конца августа 1941 г.⁴⁷ Очевидно, что зимой 1941–1942 гг., после катастрофы под Москвой, они приняли отчетливо негативный характер.

Понятно, что степень морального состояния немецкого солдата абсолютно и полностью зависела от того, как давно он оказался на фронте, что ему пришлось пережить и в каких условиях и состоянии он находился в момент написания письма. Давно попавшие на фронт мечтали об отпуске, надеялись на поступающее пополнение в немецкую армию, которое позволит им уехать домой на отдых. Они прошли через тяжёлые бои, холодную зиму, массовую гибель сослуживцев, и их просьбы к родным и близким были очень простыми, например, прислать папиросы, чтобы иметь хоть что-нибудь для успокоения нервов⁴⁸. Другие же, попавшие на фронт относительно недавно, не участвовавшие в боях на передовой и не до конца осознавшие туманные перспективы окончания войны, просили прислать грёбенку, иголку с нитками, а иногда даже пускались в пространные размышления о том, следует ли им сейчас написать заявление, чтобы вступить в систему немецкой трудовой повинности, чтобы после окончания войны остаться в Германии, а не быть отправленными жить куда-нибудь далеко на восток, в Польшу или Россию⁴⁹.

По письмам также прослеживается удивление и даже изумление, смешанное с ненавистью, от упорства, с которым «храбрые русские солдаты» и партизаны оказывали сопротивление. Солдаты пишут, что вынуждены спать в одежде, не снимая шинели и сапог, находясь в вечном напряжении и полной боевой готовности, так как в любую минуту может быть подана команда: «Русские идут в атаку!»⁵⁰.

С изумлением в письмах отмечается, что «мы боремся против разрозненных частей, которые продолжают борьбу без поддержки артиллерии, с пулеметами и гранатометами...», при этом «... противник появляется совершенно внезапно и иногда в таком количестве, что способен окружить несколько рот...»⁵¹.

⁴⁶ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тверская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Т.А. Бархатова; сост. Д.А. Ефремов, Н.В. Федотова, О.В. Маркелова и др. М., 2020. С. 209.

⁴⁷ Мягков М.Ю. Указ. соч. С. 186.

⁴⁸ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 47.

⁴⁹ Там же. 56–57.

⁵⁰ Там же. Л. 66–67.

⁵¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 65.

Борьба с партизанами отнимала у солдат вермахта сил гораздо больше, чем с регулярными частями. Описанию этого противостояния часто уделялось значительное внимание в письмах и с других участков фронта. В недавней публикации, основанной на немецких письмах и дневниках 1942 – начала 1943 г. из фондов Государственного архива новейшей истории Смоленской области, Т.И. Тарасенкова отмечает, что почти половина всех немецких писем посвящена тяжелой борьбе с партизанами в смоленско-вяземских и брянских лесах⁵².

Партизаны и в изученных письмах показаны как страшные люди, которые не берут в плен, а если кто-то и попал к ним в плен, может считаться погибшим, «поэтому мы тоже стали безжалостными и уничтожаем все и всех...»⁵³.

Попытка самооправдания прослеживается в разных письмах, а порой в самых трагичных ситуациях. Описывая упорное продвижение и натиск русских, немецкий солдат в письме от 04.02.1942 г. пишет о том, что при отступлении сжигаются все деревни, и сам же ужасается увиденному, наблюдая как «... мирное население со своим скотом находится на улице, а здесь высокие снега и мороз свыше 30 градусов. Дома построенные в деревнях сгорают очень быстро...»; но тут же следует обоснование: «это делается для того, чтобы замедлить продвижение противника...»⁵⁴.

С учётом зверств и жестокостей, совершенных армией вермахта в отношении мирного населения на оккупированной территории, кажется странной фраза в одном из писем немецкого унтер-офицера о том, что он не может «постоянно видеть проклятых русских, это жестокие люди. Они раздевают раненых догола и оставляют замерзать...»⁵⁵.

Отношение к местному населению в письмах предстает как предельно утилитарное. Немецкий ефрейтор, сокрушаясь о боли, которую испытал, присутствуя на похоронах 24 товарищей, обыденно пишет о том, что «... могилы для наших солдат роют русские мужчины, женщины и девушки...»⁵⁶. Совершенным цинизмом наполнено письмо ефрейтора Нойера от 28.02.1942 г., который описывает русских женщин: «Хлеб мы печем сами. Зерно молется и русские бабы, хотя они и гадины, должны печь хлеб. Конечно, эти бабы не хотят работать, но мы их заставляем. Если они не идут по доброй воле, то силой. Вчера они должны были раскопать дорогу, которая была занесена снегом. Русские узнали об этом и стали стрелять по ним артиллерий-

⁵² Тарасенкова Т.И. Великая Отечественная война глазами немецких солдат: дневники и письма нацистских оккупантов о жизни мирного населения на оккупированных территориях // 1943 год: коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Сб. науч. тр. Серия «Электронный архив». Вып. 10 / науч. ред. И.В. Солонько, отв. ред. Е.А. Багрин. СПб., 2024. С. 281.

⁵³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 66–67.

⁵⁴ Там же. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Л. 64.

⁵⁶ Там же. Л. 10

скими снарядами. Некоторые были убиты, некоторые ранены. Ты бы посмотрела, как метались эти лохматые ведьмы. Одна была ранена осколком в крестец. Но они могут вынести многое. Наши женщины не вынесли бы этого и не могли бы торчать в центре фронта...»⁵⁷.

Естественным образом, военные лишения в качестве причины ассоциировались с действиями, да и самим фактом существования народа, который живёт в России и умудряется оказывать сопротивление, отсюда и фразы о том, что «мы будем счастливы, когда мы не будем больше видеть этот народ...»⁵⁸.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением исследователя, что «... неудачи блицкрига в России, гибель многих немецких солдат, трудности повседневной жизни постепенно разрушали регионально структурированное организационное строение вермахта, приводили к его демодернизации. Это вызывало страх, усталость и депрессию солдат с одной стороны, агрессивность и чувство мести – с другой»⁵⁹.

Апогеем охвативших немецких солдат эмоций становится сравнение России с «ведьминым котлом»: «... Мы попали в настоящий котел ведьмы. Кто отсюда выберется, тот поистине родился в сорочке...»; «... мы находимся внутри подлинного ведьмино котла. И как, когда и вообще выберемся ли мы из него, никто из нас не знает...»; «... мы находимся в настоящем котле ведьмы. Если из него кто вырвется живым, то должен тогда благодарить день и ночь бога...»⁶⁰. Вероятно, в подлинниках писем на немецком языке термин, переведенный как «ведьмин котел», звучал как «Hexenkessel», что, несомненно, можно толковать как «настоящий (сущий) ад»⁶¹. Таким местом казалась и справедливо оказалась Россия для немецких солдат.

Полной противоположностью России в письмах выступает Франция, войну с которой немецкие солдаты воспринимали совсем по-другому: «... Франция золото по сравнению с Россией...»⁶². Собственно войной события во Франции называются редко; так в одном из переводов сказано, что в отличие от Франции, в России нет никакого фронта, и в каждом кустарнике, лесу, в деревне по сторонам дорог сидит противник⁶³. Франция в письмах представляется как «увеселительная экскурсия», где можно было всегда достать вино, а все западные походы в целом названы «прогулками»⁶⁴. И

⁵⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Л. 44.

⁵⁹ Кольга Г.И. Психологическое состояние солдат вермахта на советско-германском фронте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 91.

⁶⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 43, 53, 14.

⁶¹ Большой немецко-русский словарь. 8-е изд., стереотип. М., 2001. С. 440; Большой немецко-русский словарь = Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch-Russisch. В 2 т. Т. 1: А – К. М., 2007. С. 860.

⁶² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 5.

⁶³ Там же. Л. 12.

⁶⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 52, 9.

хотя для французов немцы, конечно, являлись оккупантами, сами немцы чувствовали себя во Франции очень привольно и сохранили только положительные воспоминания⁶⁵. Несомненно, что эти впечатления и воспоминания в разы усилились после того, как немецкие солдаты оказались в России в невообразимых для себя условиях.

Изредка в письмах встречается информация о других событиях, напрямую с боями не связанных. Например, немецкий солдат интересуется у супруги, понравился ли ей присланный «ридикуль», и надеется, оказавшись в Москве, привезти оттуда ещё более «прекрасный»; другой пишет, что перешлёт жене деньги, потому что в России на них все равно ничего нельзя купить; а третий просит прислать гребенку, потому что здесь совсем нет лавок как в Германии, а только большие магазины, и купить здесь ничего невозможно, поскольку это не Франция⁶⁶. Один из солдат упоминает, что хотел бы подарить что-нибудь дочери на день рождения, но на фронте ничего получить нельзя кроме как «пулю в лоб»⁶⁷.

Письма из Германии на фронт переполнены надеждами жён, невест и родственников на возвращение солдат домой или хотя бы отпуск. Некоторые послания зимы–весны 1942 г., от разных отправительниц (жен, невест), полны совсем тягостных мыслей: «... я сегодня очень волнуюсь, теряю рассудок и не знаю, что тебе написать. Эта война ужасна и не верится, что ее можно пережить. Я успокоилась бы, если бы ты был при мне...» (7 января); «... сколько тоски. Сколько горьких дум. Нет ни сна, ни аппетита. Как сумасшедшая брожу везде и не нахожу покоя...» (2 февраля); «... Леопольд, знаешь, лучше было бы пойти по грибы и исчезнуть, чем быть на войне...» (9 мая), «... Сокровище мое, убей же войну, чтобы нам снова соединиться...» (10 мая); «... а вы, бедные парни, должны торчать в этой России и ничего не получаете от прекрасной немецкой весны...» (13 мая)⁶⁸.

Естественным образом немецкие родственники оказываются также вовлечёнными во фронтовую тематику. Кто-то пишет, что пересылает порошок от вшей, а кто-то сочувственно переживает, что «насекомые» должны бы замерзнуть при «сибирском морозе», но видимо плодятся между рубашкой и телом⁶⁹.

Собственно свои надежды на мирную жизнь родные в Германии прямо связывали с успехом вермахта на востоке и естественно желали победы: «... Если вы весной начнете крупное наступление и кончите его победоносно, то война в Европе кончится...» (письмо ефрейтору от жены 26.02.1942)⁷⁰.

⁶⁵ Медведева М. Вторжение во Францию в восприятии солдат Вермахта: личный опыт и влияние пропаганды // Сетевое издание «История. Общество. Политика». 2019. № 1(9) [Электронный ресурс]. URL: <http://clio-brgu.ru> (дата обращения 15.10.2024 г.).

⁶⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 8, 47, 56.

⁶⁷ Там же. Л. 54.

⁶⁸ Там же. Л. 37, 23, 27, 17.

⁶⁹ Там же. Л. 41, 59.

⁷⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 574. Л. 59.

С другой стороны, контраст переживаний в письмах из Германии иногда оказывается разительным. В одном случае пишется об ужасе от английских бомбардировок немецких городов, а в другом – руководство конторы переживает, что не может выслать своим сотрудникам, находящимся на фронте, карманные календарики 1942 г., поскольку их изготовление запрещено⁷¹. Впрочем, этот контраст обусловлен и хронологией событий: письмо из конторы отправлено 13.11.1941 г., а английские налеты на немецкие города возобновятся уже в 1942 г. В одном из майских писем 1942 г. мать пишет сыну об ужасных бомбардировках английской авиацией Штутгарта, Ростока, Любека, разрушениях тысяч домов и гибели тысяч людей, а в другом письме жена пишет мужу об английских лётчиках, которые каждую ночь совершают налёты, не дают ни одной минуты покоя, и что дети напуганы и идут к ней в кровать⁷².

Таким образом, в переписке соединяются воедино переживания о положении на Восточном фронте и в самой Германии. Эта волна эмоций захлестывает и самих солдат и их родных в Германии. Квинтэссенцией этих эмоций оказывается фраза из незаконченного письма «моей самой любимой Уреуле»: «... русские нас спокойно расстреливали. Никогда ещё наша рота не имела столько убитых. Все мои товарищи убиты или ранены... к вечеру я так устал, что уснул в снегу... о, замерзнуть – это, безусловно, хорошая смерть...»⁷³.

Настроения немецких солдат зимы 1941–1942 гг. на Калининском фронте перекликаются с настроениями из окруженного Сталинграда конца 1942 – начала 1943 г.⁷⁴.

Возвращаясь к утверждению начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александрова о разложении немецкой армии, следует отметить, что речь шла не о разложении армии (к тому же не совсем ясно, что именно докладчик под этим подразумевал), а о морально-нравственном и душевном тупике, в котором оказались солдаты вермахта, в том числе и в первую очередь обусловленным фантастическим сопротивлением противника, с которым они никогда и ни в одной стране Европы ранее не сталкивались, и невыносимыми для них условиями военного быта (жесточайший мороз, глубокий снег, вши, голод) в период зимы 1941–42 годов. В связи с чем в сознании возникал резонный вопрос, нужно и можно ли всё это продолжать терпеть, с какой целью, и как преодолеть этот душевный кризис. Но это ни в коем случае не было связано с вопросом о безразличии к победе, поскольку дальнейшая история Великой Отечественной войны показала, что вермахт продолжал отчаянно сражаться и фанатично цепляться за веру в победу именно потому, что только таким образом немецкие солдаты могли реализовать свою мечту – вырваться из «проклятой России» и вернуться к

⁷¹ Там же. Л. 74.

⁷² Там же. Л. 31, 31об.

⁷³ Там же. Л. 54.

⁷⁴ «... Хотя раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / Сост. Н.Э. Вашкау. М., 2013. С. 60–61.

своим «дорогим и любимым» семьям, которые, в свою очередь страдали без них в Германии. Тем ценнее подвиг Красной Армии и мирных граждан, которые смогли ценой огромного самопожертвования и невероятных усилий справиться с «отчаявшимся», но как раз в силу этого «отчаяния», очень опасным и жестоким врагом, уничтожавшем все и всех на своем пути, и одержать Великую Победу.

Список литературы:

1. *Кольга Г.И.* Психологическое состояние солдат вермахта на советско-германском фронте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 82–91.
2. *Медведева М.* Вторжение во Францию в восприятии солдат Вермахта: личный опыт и влияние пропаганды // Сетевое издание «История. Общество. Политика». 2019. № 1(9) [Электронный ресурс]. URL: <http://cliobtgu.ru> (дата обращения 15.10.2024 г.).
3. *Мягков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942 / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории; Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1999. 303 с.
4. *Тарасенкова Т.И.* Великая Отечественная война глазами немецких солдат: дневники и письма нацистских оккупантов о жизни мирного населения на оккупированных территориях // 1943 год: коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Сб. науч. тр. Серия «Электронный архив». Вып. 10 / науч. ред. И.В. Солонько, отв. ред. Е.А. Багрин. СПб.: Президентская библиотека, 2024. С. 277–290.

Об авторе:

СВИРИН Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра архивоведения, историографии и документоведения, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

Excerpts from Letters from German Soldiers (the End of 1941 – the First Half of 1942) (Based on the Materials of the Kalini Regional Committee of the (b))

К.М. Svirin

Tver State University, Tver, Russia

The article considers a set of letters from German soldiers preserved in the fund of the Kalinin Regional Committee of the CPSU(b). Letters for the period November 1941 – May 1942 from the territory of the Smolensk and Kalinin regions to Germany and back, preserved in the form of excerpts translated into Russian, and intended as material for propaganda and agitation in order to form among Soviet citizens the image of a morally broken

enemy. The article considers the letters not only as a set of propaganda materials, but also as an important source of information about various aspects of the perception of military reality on the Eastern Front by Wehrmacht soldiers and their correspondence correspondents in Germany. Despite the fragmentary nature, translation gaps, and propaganda purpose of the translations, it can be argued that the demonic image of Russia as a "real hell" presented in the letters corresponded to its real perception by German soldiers and reflected the state of despair and hopelessness in the winter of 1941–1942.

Keywords: *The Great Patriotic War, Smolensk region, Kalinin region, letters from German soldiers, despair, crimes against civilians, propaganda and agitation, Kalinin Regional Committee of the CPSU(b).*

About author:

SVIRIN Kirill Mikhailovich – Candidate of History, Associate Professor, the Department of Archive Studies, Historiography and Documentation, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, office 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

References:

- Kol'ga G.I., *Psikhologicheskoe sostoyanie soldat vermakhta na sovetsko-germanskom fronte*, Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 2011, № 19 (114), Vyp. 20, S. 82–91.
- Medvedeva M., *Vtorzhenie vo Frantsiyu v vospriyatii soldat Vermakhta: lichnyi opyt i vliyanie propagandy*, Setevoe izdanie «Istoriya. Obshchestvo. Politika», 2019, № 1(9) [Elektronnyi resurs], URL: <http://clio-brgu.ru> (data obrashcheniya 15.10.2024 g.).
- Myagkov M.Yu., *Vermakht u vorot Moskvy. 1941–1942* / Ros. akad. nauk. In-t vseobshchei istorii; Otv. red. O.A. Rzheshevskii, M., 1999, 303 s.
- Tarasenkova T.I., *Velikaya Otechestvennaya voina glazami nemetskikh soldat: dnevniki i pis'ma natsistskikh okkupantov o zhizni mirnogo naseleniya na okkupirovannykh territoriyakh, 1943 god: korennoi perelom v khode Velikoi Otechestvennoi voiny*. Sb. nauch. tr., Seriya «Elektronnyi arkhiv», Vyp. 10 / nauch. red. I.V. Solon'ko, otv. red. E.A. Bagrin, SPb., Prezidentskaya biblioteka, 2024, S. 277–290.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.